ЛИГА АГРАРНЫХЪ РЕФОРМЪ.

ТРУДЫ 2-го ВСЕРОССІЙСКАГО СЪѢЗДА.

Б. Д. БРУЦКУСЪ.

Очеркъ земельной политики иностранныхъ государствъ.

Изданіе журнала „Вѣстникъ Сельскаго Хозяйства“.

ЦѢНА 35 КОП.

МОСКВА.
Типографія О. Л. Сомовой, Б. Никитская, домъ № 60.
1917.

ПРОВ.

Очеркъ земельной политики иностранныхъ государствъ.

(Докладъ второму Съѣзду Лиги Аграрныхъ Реформъ въ Петроградѣ 23 іюня с/г.).

(Оттискъ изъ журнала „Вѣстн. Сел. Хоз." 1917 г.).

Въ моментъ, когда намъ предстоитъ стать лицомъ къ лицу съ исключительно сложной проблемой аграрной реформы въ Россіи, совершенно естественно оглянуться кругомъ и поискать руководящихъ указаній въ опытѣ другихъ культурныхъ странъ, которыя помогли бы намъ оріентироваться въ занимающей насъ проблемѣ. Это соображеніе побудило лигу аграрныхъ реформъ начать свою работу на настоящемъ Съѣздѣ съ информаціоннаго доклада о земельной политикѣ и земельномъ режимѣ иностранныхъ государствъ.

Я попытаюсь въ нижеслѣдующемъ изъ широкой области аграрной политики иностранныхъ государствъ выяснить спеціально ихъ отношеніе къ земельнымъ отношеніямъ трудового хозяйства, къ вопросу о переходѣ земель отъ крупнаго землевладѣнія къ мелкому; я постараюсь также выяснить тотъ земельный режимъ, котораго придерживаются иностранныя государства по отношенію къ мелкому хозяйству. Придавая значеніе знакомству съ опытомъ иностранныхъ государствъ для общей оріентаціи въ русскомъ аграрномъ вопросѣ, я все же долженъ указать, что каждая реформа совершается въ опредѣленныхъ условіяхъ, и ни одна соціально-политическая реформа не можетъ быть предметомъ точнаго подражанія. Это

особенно справедливо въ вопросахъ аграрныхъ, ибо сельское хозяйство является производствомъ, измѣняющимся въ зависимости отъ мѣстныхъ условій въ большей мѣрѣ, чѣмъ промышленность.

Первый вопросъ, который мы должны себѣ поставить, заключается въ томъ, имѣется ли въ иностранныхъ государствахъ тотъ аграрный вопросъ, которымъ мы занимаемся. Конечно, аграрный вопросъ, какъ вопросъ о наилучшей организаціи земельныхъ отношеній, существуетъ вездѣ и повсюду, но того конкретнаго вопроса, который у насъ стоитъ на очереди, въ сущности говоря, въ большинствѣ культурныхъ странъ Западной Европы не существуетъ. Нашъ аграрный вопросъ сводится въ своемъ существѣ къ исключительно острому кризису, переживаемому крестьянскимъ населеніемъ. Громадныя массы нашего сельскаго населенія не находятъ себѣ достаточнаго заработка ни на своихъ надѣлахъ, ни въ чужихъ хозяйствахъ, ни въ отхожихъ промыслахъ. Этихъ явленій въ большинствѣ государствъ Западной Европы, экономически правильно развивающихся, не существуетъ. Громадное развитіе промышленности оттянуло и продолжаетъ оттягивать отъ сельскаго хозяйства очень значительные кадры сельскаго населенія и въ то же время создаетъ прекрасные рынки для сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Эти обстоятельства при наличности большой экономической энергіи и болѣе высокой культуры у сельскаго населенія Запада уничтожили тѣ явленія аграрнаго перенаселенія, которыя когда-то, въ началѣ прошлаго столѣтія, въ Европѣ были весьма замѣтны. О странахъ Новаго Свѣта съ ихъ неисчерпанными естественными богатствами говорить, конечно, не приходится,—не тамъ надо искать явленій аграрнаго перенаселенія. Если же мы желаемъ найти нѣчто сходное съ нашимъ аграрнымъ вопросомъ, то мы должны искать аналогію не въ настоящей Европѣ, а въ тѣхъ странахъ европейской культуры, которыя сейчасъ считаются „от-

сталыми". Мы найдемъ явленія аграрнаго перенаселенія или исключительно неблагопріятнаго положенія сельскаго населенія въ Испаніи, въ нѣкоторыхъ преимущественно южныхъ провинціяхъ Италіи, въ Галиціи и, наконецъ, найдемъ еще болѣе, чѣмъ у насъ, обострившійся аграрный кризисъ въ Румыніи.

Зато въ Западной Европѣ имѣется свой аграрный вопросъ, но, если угодно, этотъ вопросъ имѣетъ обратный характеръ по сравненію съ нашимъ. Тамъ государству приходится заботиться не о томъ, чтобы многочисленное сельское населеніе нашло себѣ достаточный заработокъ, государству приходится заботиться о томъ, чтобы сельское населеніе, въ погонѣ за болѣе выгодными городскими заработками, не покидало массами деревень и не обезсиливало тѣмъ сельскаго хозяйства.

То обстоятельство, что изъ деревни населеніе массами уходитъ въ городъ, вызываетъ сильныя жалобы со стороны крупныхъ хозяевъ, которые остаются безъ рабочихъ; это грозитъ имъ пониженіемъ рентныхъ доходовъ. Но есть и общегосударственная точка зрѣнія, которая заставляетъ безпокоиться по этому поводу. Смущаетъ обезлюдѣніе деревни потому, что страны Западной Европы уже сейчасъ находятся въ своемъ пропитаніи въ зависимости отъ импорта, и что зависимость эта все усиливается, такъ что на случай войны, которая въ концѣ концовъ такъ-таки обрушилась на Европу, предвидѣлись серьезныя затрудненія съ продовольствіемъ. Наконецъ, какъ ни блестяще развивается промышленность Западной Европы, и въ этомъ развитіи замѣчаются заминки, кризисы, и представляется чѣмъ-то ненормальнымъ, если при наличности извѣстнаго кадра безработныхъ земля, которая могла бы впитать въ себя трудъ значительнаго населенія, надлежащимъ образомъ не используется. Вотъ тѣ два мотива, одинъ—классовый, а другой—государственный, которые двигаютъ въ настоящій моментъ земельной политикой

большинства цивилизованныхъ странъ Западной Европы.

Если обратиться къ странѣ, которая является передовой въ отношеніи развитія капитализма — къ Англіи, то тамъ по указаннымъ соображеніямъ былъ предпринятъ цѣлый рядъ реформъ, которыя отчасти порываютъ съ тѣмъ, что обычно признается основными устоями буржуазнаго строя, но которыя, однако, еще не привели пока къ крупнымъ результатамъ. Съ конца прошлаго столѣтія въ Англіи не перестаютъ безпокоиться по поводу такъ называемаго Rural Exodus, т.-е. исхода изъ деревень, и стараются принять противъ него мѣры. Въ теченіе 80-хъ годовъ по англійскому обычаю издается цѣлый рядъ другъ друга дополняющихъ законовъ, т. н. Allotments act, которые имѣютъ задачей какъ-нибудь привязать сельскихъ рабочихъ къ землѣ обезпеченіемъ ихъ усадебными осѣдлостями и мелкими участками земли, на которыхъ они могли бы завести себѣ огороды. Правительство уже въ 80-хъ годахъ въ этихъ видахъ стало прибѣгать къ принудительному отчужденію земли. И такіе участки были созданы въ большомъ количествѣ. Но это все-таки не было настоящимъ рѣшеніемъ задачи, поставленной временемъ, и только служило нѣкоторой поддержкой для капиталистическаго производства. А между тѣмъ въ отношеніи своего продовольствія Англія попадала въ возрастающую зависимость отъ иностраннаго ввоза. Правительство безпокоилось, что уже три четверти пшеницы является ввозной, что ввозится значительная часть и мяса, и даже молока. Изъ сравненія съ положеніемъ дѣла на континентѣ стало ясно, что причиной малой продуктивности англійскаго сельскаго хозяйства является его односторонне-капиталистическая организація. Надо было возсоздать нѣкогда разрушенное крестьянское хозяйство.

И вотъ въ 1892 году издается Small Holdings Act, законъ о мелкихъ участкахъ. Согласно этому закону,

совѣтамъ графствъ предлагается покупать землю тамъ, гдѣ имѣется спросъ на мелкіе участки, для раздачи ихъ въ собственность, въ размѣрѣ до 50 акровъ, и въ аренду—въ размѣрѣ до 15 акровъ. Графства оказываютъ активное содѣйствіе новымъ поселенцамъ. Но зато послѣдніе въ извѣстной мѣрѣ ограничиваются въ ихъ правѣ распоряженія землей. Купившій, напр., не можетъ использовать этого участка иначе какъ для сельско хозяйственныхъ нуждъ, и вообще онъ ограничивается постольку, поскольку это необходимо для выполненія того заданія, которое себѣ поставило государство. Эти ограниченія срочныя и падаютъ съ выплатой дѣла. Для облегченія пріобрѣтенія участка даются льготы. Немедленно необходимо внести $^1/_5$ часть стоимости участка, остальное разсрачивается на срокъ до 50 лѣтъ, при чемъ дается возможность часть долга совсѣмъ не выплачивать, превративъ его въ рентный платежъ.

Законъ этотъ совершенно не имѣлъ успѣха. Прошло 25 лѣтъ съ его изданія, и было роздано всего лишь около 750 акровъ земли. Чѣмъ была обусловлена такая неудача? Отчасти—недостаточнымъ вниманіемъ къ этому дѣлу совѣтовъ графствъ. Но главнымъ образомъ тѣмъ, что земля въ Англіи централизована въ крѣпкихъ рукахъ, изъ которыхъ ее трудно добыть. И вотъ въ 1907 году издается второй Small Holdings Act, который признаетъ уже за совѣтами графствъ право принудительной покупки и принудительной аренды земли. Дѣятельность Совѣтовъ ставится подъ контроль государства, которое и ассигнуетъ средства на это дѣло. Мы могли бы подумать, что такой актъ не обошелся безъ ожесточенной классовой борьбы. Однако, подобной борьбы почти не было, консерваторы возражали только противъ принудительной аренды земли.

Теперь мы можемъ уже отмѣтить первые результаты дѣйствія новаго закона. Хотя и медленно, но все же, несомнѣнно, новый законъ входитъ въ жизнь.

До 1-го января 1915 года около 200 тысячъ акровъ (75 тысячъ десятинъ) было использовано для созданія новыхъ хозяйствъ. Чрезвычайно характерно для англичанъ то, что вся эта земля исключительно была взята въ аренду мелкими хозяевами, и почти не нашлось желающихъ пріобрѣсти землю. У англичанъ нѣтъ стремленія закрѣпить за собой земли. Они разсматриваютъ ее, какъ способъ приложенія своего капитала и труда, и предпочитаютъ деньги использовать для лучшаго оборудованія хозяйства. Что касается совѣтовъ графствъ, то они $^3/_4$ земли пріобрѣли и лишь $^1/_4$ заарендовали. Къ принужденію приходилось прибѣгать рѣдко, но, можетъ быть, потому, что землевладѣльцы знали о наличности у совѣтовъ такого права. Въ общемъ дѣло идетъ успѣшно. Всѣ данныя говорятъ за то, что 13 тысячъ устроенныхъ хозяйствъ развиваются. Были также попытки передачи земли кооперативамъ, но онѣ не удались. Въ результатѣ получилась довольно оригинальная картина развитія реформы: совѣты графствъ преимущественно покупаютъ землю, а сами сдаютъ ее въ аренду. Это заставило совѣты графствъ обратить сугубое вниманіе на мелорацію и вообще культуру земли. По нашей терминологіи, положено начало муниципализаціи земли, правда, въ микроскопическомъ размѣрѣ, потому что всего только 0,7% площади Англіи оказалось въ рукахъ муниципалитетовъ. Разовьется ли это дѣло въ большую реформу,—пока предсказать трудно. Дѣло здѣсь не въ томъ, чтобы правительство не желало широкаго развитія мелкаго хозяйства, но трудность въ томъ, что въ Англіи не существуетъ столь знакомой намъ „тяги къ землѣ“.

Если мы перейдемъ теперь къ Германіи, то и здѣсь мы имѣемъ аналогичную политику, продуктивную между прочимъ тенденціями національстическаго порядка. Въ 1886 году былъ изданъ законъ о такъ называемыхъ „Ansiedelungskommissionen“, которыхъ задача—скупка земель польскихъ землевладѣльцевъ

для того, чтобы устраивать на нихъ нѣмецкихъ крестьянъ. Но, кромѣ того, нѣсколькими годами позже былъ изданъ законъ уже безъ шовинистической окраски о такъ называемыхъ рентныхъ имѣніяхъ. Землевладѣльцы получили возможность при содѣйствіи государственныхъ учрежденій колонизировать свои имѣнія. Создаваемые въ этихъ имѣніяхъ крестьянскіе участки по первоначальной идеѣ совершенно не выкупаются, а обременяются опредѣленнымъ рентнымъ платежомъ, отсюда ихъ названія „Rentengut“. Впослѣдствіи допущенъ былъ выкупъ земли. Но во всякомъ случаѣ сидящіе на этой землѣ крестьяне подвержены извѣстнымъ ограниченіямъ въ свободѣ распоряженія землей: они не въ правѣ ее закладывать, продавать безъ разрѣшенія, введены нѣкоторыя особыя нормы наслѣдственнаго права въ предупрежденіе дробленія земли и т. д. На западно-европейскую мѣрку дѣло внутренней колонизаціи въ Германіи достигло значительнаго развитія,—распарцеллировано около 700 тыс. гектаровъ, особенно много въ польскихъ провинціяхъ. Въ 1908 г. было разрѣшено поселенческимъ комиссіямъ принудительно пріобрѣтать земли польскихъ помѣщиковъ. Впрочемъ, до сихъ поръ было лишь три случая пользованія этимъ правомъ.

Такіе же пріемы внутренней колонизаціи примѣняются и въ другихъ странахъ. Въ Норвегіи они направляются къ созданію мелкихъ участковъ для сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Но въ Даніи начали съ устройства участковъ для рабочихъ, а затѣмъ перешли къ созданію болѣе значительныхъ крестьянскихъ участковъ. Въ весьма скромныхъ размѣрахъ та же работа созданія очень мелкихъ рабочихъ участковъ начинается во Франціи.

Перенесемтесь теперь въ страну капиталистическаго хозяйства, вновь колонизованную, — въ Австралію. Аграрный вопросъ стоитъ здѣсь острѣе, чѣмъ въ Западной Европѣ. Хотя земли въ Австраліи по от-

ношенію къ населенію очень много, но земельныя отношенія сложились далеко не счастливо; ихъ постоянно реформируютъ, и еще будутъ реформировать.

Особенности аграрнаго вопроса Австраліи обусловлены своеобразнымъ развитіемъ ея колонизаціи, которая совершалась подъ исключительно сильнымъ вліяніемъ капитализма. Когда началась колонизація Австраліи свободными поселенцами (1830 г.), австралійскіе политики находились подъ вліяніемъ извѣстнаго ученія Вэкфильда, продиктованнаго капиталистическими интересами. Сущность этого ученія заключалась въ томъ, что въ новой странѣ можно создать культурное общество лишь при условіи перенесенія туда капиталистическаго строя наподобіе англійскаго. Спрашивается, какъ же этого достичь? Вѣдь когда эмигрантъ пріѣзжаетъ въ новую страну, онъ можетъ получить земли сколько угодно. Въ этомъ Вэкфильдъ и усматриваетъ опасность, въ этихъ видахъ онъ выдвинулъ слѣдующій проектъ. Земля въ этихъ колоніяхъ должна продаваться не дешево, а дорого для того, чтобы рабочій человѣкъ не могъ ее получить; земля будетъ пріобрѣтаться только капиталистами, а на вырученныя отъ продажи земли средства колоніи должны безплатно привозиться изъ метрополіи рабочіе и производиться извѣстныя подготовительныя общественныя работы. И вотъ въ Австраліи былъ принятъ методъ не давать земли трудящимся, а продавать ее съ аукціона по дорогой цѣнѣ.

Нельзя сказать, чтобы методъ колонизаціи Вэкфильда привелъ къ тѣмъ результатамъ, которые ожидались. Австралія имѣла такія колоссальныя пространства и такъ была удалена отъ рынковъ, что для широкаго развитія земледѣлія страна еще не была зрѣлой. На очереди было развитіе скотоводства. Капиталисты — скотоводы, „скуотеры“, рѣшили, что имъ незачѣмъ тратить большія деньги на покупку прибрежныхъ земель, они проникли со своими ста-

дами въ глубь страны и создали тамъ колоссальныхъ размѣровъ мериносовое овцеводство, на которомъ и было построено все богатство Австралии. И вотъ Австралія уже къ 40-мъ годамъ стала богатой страной капиталистическаго скотоводства.

Въ 50-хъ годахъ тамъ усиливается иммиграція вслѣдствіе нахожденія золота, населеніе быстро нарастаетъ. Но пріиски скоро истощаются, и въ странѣ оказывается значительное населеніе, обладающее коекакими средствами; оно не прочь приложить свой капиталъ и свои руки къ землѣ. Чтобы это населеніе обезпечить землей, издается законъ о „селекціи“, т.-е. предоставляется желающимъ выбирать участки государственной земли при условіи поселенія на ней (система, принятая одновременно въ Соединенныхъ Штатахъ). Но эта система здѣсь не дала желанныхъ результатовъ, потому что была преждевременной. Австралія тогда еще не достигла стадіи земледѣльческой культуры. „Селекторы“ захватывали землю только для того, чтобы заставить скотоводовъ ее у нихъ выкупить. Въ періодъ времени отъ 60-хъ до 90-хъ годовъ издавался и безъ конца передѣлывался цѣлый рядъ законовъ о „селекціи“, и государство все-таки оказывалось передъ разбитымъ корытомъ,—земли все-таки попадали въ руки капиталистовъ. Законы эти приводили лишь къ концентраціи земли.

И вотъ въ 90 хъ годахъ, когда населеніе Австраліи уже разрослось, и страна созрѣла для земледѣльческой колонизаціи, австралійскія правительства оказались передъ трудной задачей изъятія земли изъ рукъ крупнаго капитала, и тогда они развили поземельное законодательство, о которомъ теперь такъ много пишутъ, и которое возникло не отъ счастья, а отъ несчастья. Здѣсь были трудности двоякаго порядка. Дѣло заключалось не въ томъ только, чтобы получить землю, а также и въ томъ, чтобы получить и подходящій элементъ для колонизаціи, ибо пріѣзжающіе англичане въ своей массѣ не земледѣльцы.

Правительства издаютъ законъ за закономъ для полученія земли изъ рукъ капитала, при чемъ допускается и принудительный выкупъ земель, но, какъ и въ Англіи, онъ примѣняется въ очень ограниченномъ числѣ случаевъ. Затѣмъ правительства активно содѣйствуютъ устройству поселенцевъ, группируя ихъ вмѣстѣ (village communities, settlements). Нѣкоторыя правительства вводятъ также прогрессивный налогъ на землю для того, чтобы она не лежала втуне, налогъ этотъ доходитъ максимально до $1^1/_2{}^0/_0$ цѣнности земли. Такими путями правительства понемногу изъемлютъ землю изъ рукъ капитала, и на землѣ создается осѣдлое сельское населеніе. Этотъ процессъ движется вообще весьма медленно и сравнительно наиболѣе успѣшно въ Новой Зеландіи. Здѣсь былъ созданъ институтъ вѣчной (въ точности на 999 лѣтъ) аренды земли за фиксированый навсегда платежъ. Но нужно замѣтить, что этотъ институтъ имѣетъ мало общаго съ принципомъ національзаціи земли въ нашемъ пониманіи, потому что вѣчный арендаторъ имѣетъ право продажи земли. Эта форма присвоенія земли очень популярна, потому что при ней земледѣлецъ освобождается отъ необходимости вкладывать капиталъ на покупку земли. Премьеръ Новой Зеландіи Юлій Фогель первоначально хотѣлъ частично осуществить національзацію земли, и его законъ отъ 1885 года первоначально предусматривалъ переоцѣнку земли съ правомъ государства повышать платежъ, но это право было черезъ два года отмѣнено.

Такова картина положенія аграрнаго вопроса въ Австраліи. Я долженъ сказать, что концентрація земли во власти капитала не помѣшала ей достигнуть самаго высокаго уровня экономическаго развитія и культуры, а также гегемоніи демократіи въ политической жизни, такъ что въ концѣ концовъ, надо полагать, демократія сумѣетъ перестроить земельныя отношенія согласно своимъ интересамъ.

Я въ общихъ чертахъ охарактеризовалъ аграрную политику тѣхъ странъ, которыя достигли наивысшаго расцвѣта своихъ производительныхъ силъ, и гдѣ аграрная политика преслѣдуетъ цѣли, существенно отличныя отъ нашей. Теперь я скажу нѣсколько словъ про тѣ болѣе или менѣе „отсталыя“ страны, гдѣ аграрная политика имѣетъ нѣкоторыя сходныя задачи съ нашей.

Италія до сихъ поръ не предпринимала рѣшительныхъ реформъ для измѣненія своего аграрнаго строя, хотя въ нѣкоторыхъ особенно въ южныхъ провинціяхъ этой страны ея сельское населеніе страдаетъ отъ ненормально сложившихся аграрныхъ отношеній. Но здѣсь имѣется одно важное явленіе, которое смягчаетъ аграрный вопросъ,—это широкое развитіе эмиграціи. Государство содѣйствуетъ внутренней колонизаціи въ южныхъ провинціяхъ и въ Сициліи, таковая ведется капиталистическими компаніями подъ наблюденіемъ государства. Очень больнымъ вопросомъ Италіи является состояніе т. наз. „Agro Romano“. Римъ, столица Италіи, окруженъ землями, почти не заселенными и притомъ заболоченными, неблагопріятно вліяющими на здоровье населенія окрестностей столицы. Такое состояніе связано съ господствомъ здѣсь латифундіи. Правительство озабочено устраненіемъ этого ненормальнаго положенія, хотя до сихъ поръ оно не добилось серьезнаго улучшенія. Только въ послѣднее время состояніе „Agro Romano“ стало улучшаться, благодаря возникновенію на немъ раціонально поставленныхъ капиталистическихъ хозяйствъ. Надо еще отмѣтить поворотъ аграрной политики Италіи въ отношеніи къ сервитутамъ коллективнаго пользованія въ томъ смыслѣ, что они теперъ не ликвидируются, какъ это прежде имѣло мѣсто, а утверждаются закономъ и упорядочиваются.

Болѣе мрачную картину аграрнаго строя представляетъ Румынія, которая вообще находится въ худ-

шемъ экономическомъ положеніи, чѣмъ Россія. Большая половина земельной площади находится здѣсь въ рукахъ крупнаго землевладѣнія. Сельское населеніе чрезвычайно густо. Промышленность не создалась. Крестьянство находится здѣсь въ кабалѣ у крупныхъ землевладѣльцевъ, которые до самаго послѣдняго времени обыкновенно не прибѣгали къ обработкѣ земли собственнымъ инвентаремъ, а сдавали часть ея въ аренду и за счетъ отработокъ крестьянъ воздѣлывали остальную часть своей земли. Такимъ образомъ, почти вся сельско-хозяйственная площадь помѣщиковъ обрабатывается крестьянскимъ инвентаремъ, при чемъ, вслѣдствіе низкой производительности крестьянскаго труда, отработки препятствовали надлежащей обработкѣ собственныхъ надѣловъ крестьянъ. Землевладѣльцы сильно эксплоатируютъ крестьянъ, используя недостатокъ у послѣднихъ выгоновъ. Съ политической стороны положеніе крестьянъ въ Румыніи также унижено, они не имѣли никакой возможности защищать своихъ интересовъ. Когда крестьянство волновалось, румынское правительство прибѣгало къ тому же средству, которымъ пользовался нашъ старый режимъ,—оно натравливало крестьянъ на евреевъ.

Только въ 1907 году, когда движеніе крестьянъ проявилось въ грозныхъ революціонныхъ формахъ, правительство вынуждено было, наконецъ, провести нѣкоторыя реформы, которыя, повидимому, вошли въ жизнь и нѣкоторое вліяніе на аграрныя отношенія оказали. Правительство унормировало арендные платежи. Послѣдніе должны быть обязательно зарегистрированы, опредѣленъ максимумъ арендnаго платежа, воспрещена аренда за отработки. Нормированы также договоры найма рабочихъ. Однако, видимо эти коррективы не достаточны, чтобы разрѣшить аграрный вопросъ, и еще до войны въ Румыніи обсуждался проектъ принудительнаго массоваго отчужде-

нія латифундій. Вопросъ этотъ, вѣроятно, придется поставить во всей его широтѣ.

Я не касался еще самой крупной аграрной реформы, проведенной англійскимъ правительствомъ въ Ирландіи. Надо замѣтить, что ирландскій аграрный кризисъ можно признать уже отошедшимъ въ прошлое. А когда-то онъ стоялъ въ самой острой формѣ. Здѣсь мы имѣли въ полномъ смыслѣ кризисъ аграрнаго перенаселенія, обостреннаго ненормальными земельными отношеніями. Въ толкованіи ирландскаго кризиса я раздѣляю точку зрѣнія С. Н. Булгакова, который считаетъ аграрныя отношенія здѣсь только обостряющимъ моментомъ, а не основой кризиса. И дѣйствительно, ослабленіе кризиса стало уже замѣчаться со средины истекшаго столѣтія, когда началась усиленная эмиграція ирландскаго населенія въ Америку, и крестьянское населеніе Ирландіи стало быстро сокращаться въ своей численности. Аграрная реформа завершила экономическое оздоровленіе Ирландіи, уже начавш ѕээраньше.

Особенность ирландскаго аграрнаго строя, существенно отличнаго отъ русскаго, состояла въ томъ, что тамъ вся земля находилась въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Ирландскій кризисъ былъ вызванъ комбинаціей исключительно неблагопріятныхъ условій. Въ теченіе 18-го столѣтія Англія убила ирландскую промышленность, торговлю и мореплаваніе. Одновременно она отмѣнила автономію Ирландіи, чѣмъ усилила абсентеизмъ крупныхъ землевладѣльцевъ, лэндлордовъ. Получилось такое положеніе, что населеніе имѣло единственнымъ источникомъ существованія землю, и ему некуда было уходить въ города. Землевладѣльцы, живя въ Англіи, не создавали на мѣстѣ рынка. Эти условія и привели къ острому кризису.

Въ теченіе 19 столѣтія англійская демократія постепенно измѣняетъ свою политику по отношенію къ Ирландіи. Правительство Гладстона провело въ 80-хъ

годахъ знаменитую реформу арендныхъ отношеній, которая по англійскому обычаю закрѣпила то, что отчасти уже было намѣчено въ жизни. Эта реформа состояла въ осуществленіи по отношенію къ арендѣ такъ называемыхъ трехъ F: 1) Fair rent—справедливый арендный платежъ, опредѣляемый не формально свободнымъ соглашеніемъ сторонъ, а правительственными учрежденіями, 2) Fixity of tenure — прочность аренды, достигаемая тѣмъ, что арендный контрактъ заключается на 15 лѣтъ, а затѣмъ его условія пересматриваются, и право имущественной аренды получаетъ опять старый арендаторъ и 3) Free sale—право продажи арендаторомъ его арендныхъ правъ. Арендное право стало цѣниться даже выше, чѣмъ право землевладѣльца. Земля была фактически закрѣплена за арендаторами; оставалось только это оформить. И вотъ въ 1903 году проходитъ законъ, которымъ правительство оказываетъ содѣйствіе выкупу земли фермерами. Онъ поощряетъ къ продажѣ земли лэндлордовъ спеціальной добавкой къ выкупной цѣнѣ и нѣкоторыми правовыми льготами. Выкупъ земли идетъ въ Ирландіи быстро, такъ что объ аграрномъ кризисѣ Ирландіи говорить теперь уже не приходится.

Англійское правительство, произведя эту крутую реформу, согласно сказанному, осталось на почвѣ частной собственности. Но и въ другихъ государствахъ институтъ частной крестьянской собственности остается въ общемъ незыблемымъ. Тѣ поправки, которыя дѣлаются въ немъ, далеко не глубоки и не принципіальны. Отчасти эти поправки дѣлаются временно для достиженія опредѣленныхъ цѣлей, какъ, напримѣръ, въ случаяхъ внутренней колонизаціи. Часто вводятся поправки въ видѣ такъ называемаго наслѣдственнаго права, предупреждающаго дробленіе земли при наслѣдованіи, но это право по преимуществу факультативное, т.-е. крестьянинъ можетъ подчи-

нить свой участокъ дѣйствію особаго наслѣдственнаго права, но можетъ и отказаться отъ этого.

Очень популяренъ среди аграръ-политиковъ Западной Европы американскій лозунгъ Homestead (Heimstätte, bien de famille insaisissable). Это движеніе имѣетъ свою довольно оригинальную исторію. Когда подъ вліяніемъ заокеанской конкуренціи въ Западной Европѣ разразился аграрный кризисъ, то, естественно, ученые обратили вниманіе на Америку. Тамъ они нашли господствующимъ трудовое хозяйство и обратили вниманіе на тѣ особые законы, Homestead law, которые существуютъ въ нѣкоторыхъ, преимущественно западныхъ, штатахъ (помимо общегосударственнаго Homestead law отъ 1862 г., имѣющаго другое значеніе) и въ нѣкоторой мѣрѣ какъ будто гарантируютъ неотчуждаемость фермерской земли. И вотъ изслѣдователь этого вопроса Мейеръ увидалъ тамъ больше того, что тамъ дѣйствительно было. Ему показалось, что тамъ осуществленъ принципъ трудовой семейной неотчуждаемой собственности, и что будто бы въ этомъ и заключается сила американскаго хозяйства. Въ связи съ этимъ все движеніе въ Западной Европѣ къ созданію неотчуждаемой крестьянской собственности шло подъ лозунгомъ „Homestead“. Въ дѣйствительности же Мейеръ, какъ потомъ выяснилось, преувеличилъ значеніе „Homestead law“ отдѣльныхъ штатовъ. Они возникли подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ причинъ, впослѣдствіи рѣзко измѣнившихся. Прежде ипотечный кредитъ былъ плохо организованъ въ Америкѣ, и кредиторы имѣли право истребовать единовременно ссуду. Другая причина появленія „Homestead law“ было стремленіе къ охранѣ интересовъ женщинъ и дѣтей. Вообще женщины находятся въ особомъ положеніи въ Америкѣ, ихъ интересы внимательно охраняются. Но гарантіи, которыя эти законы даютъ семьѣ, весьма скромны. Эти законы не безусловны, они редактированы разнообразно, и значеніе ихъ чисто соціальное—обез-

печеніе извѣстнымъ минимумомъ семьи, но никакъ не производственное. Впослѣдствіи, по мѣрѣ усовершенствованія земельнаго кредита, эти законы потеряли свое значеніе.

Подъ лозунгомъ „Homestead“ были созданы законы и въ Германіи, и во Франціи. Но законы эти факультативные, т.-е., если крестьянинъ желаетъ, то онъ можетъ закрѣпить землю въ родѣ. Результаты этихъ законовъ весьма скромны, какъ показало недавно произведенное обслѣдованіе дѣйствія закона о такъ называемомъ bien de famille insaisissable во Франціи. Не говоря уже о томъ, что неотчуждаемые участки очень малы и не могутъ быть основой для сельскаго хозяйства, охотниковъ создавать такіе участки оказалось ничтожное число.

Въ заключеніе мнѣ придется отвѣтить еще на вопросъ, въ какомъ положеніи находится движеніе къ націонализаціи земли на Западѣ. Идея эта является популярной въ нѣкоторыхъ странахъ—въ тѣхъ, гдѣ земля закрѣплена въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ; она популярна въ Англіи, въ австралійскихъ колоніяхъ. Но до сихъ поръ она не привела ни къ какимъ серьезнымъ опытамъ. Упомянутый уже ново-зеландскій законъ Юлія Фогеля просуществовалъ только два года. Что касается идеи соціализаціи земли, то она абсолютно чужда Западу и едва ли даже можетъ быть понята европейскимъ хозяиномъ: земля для него есть только одинъ изъ факторовъ производства, хозяйство же составляется изъ соединенія съ нимъ капитала и труда. Земля, не оплодотворенная капиталомъ, съ точки зрѣнія европейца, не можетъ еще стать основой хозяйства.

Заканчивая свой краткій обзоръ, я долженъ отмѣтить, что, кромѣ какъ въ Румыніи, мы не оказались передъ реформами, имѣющими близкую аналогію съ предполагаемой у насъ. Это объясняется тѣмъ, что въ Западной Европѣ аграрный вопросъ въ нашей его постановкѣ ужъ былъ рѣшенъ въ предшествую-

щую эпоху, въ эпоху либеральныхъ реформъ. Эпоха либерализма, освободивъ личность, освободила вмѣстѣ съ тѣмъ такой громадный запасъ энергіи въ сферѣ экономическаго строительства, что въ концѣ концовъ широкое развитіе производительныхъ силъ было достигнуто. Гдѣ политическій переворотъ совершила демократія, этотъ процессъ прошелъ для нея сравнительно безболѣзненно. Такъ, французское и западно-германское крестьянство сумѣли сохранить за собою большую часть земли. Гдѣ крупные землевладѣльцы сумѣли захватить землю, какъ это было въ Англіи и въ Пруссіи, тамъ народныя бѣдствія были болѣе значительны, и они были ликвидированы только на почвѣ грандіознаго развитія промышленнаго капитализма. Въ Россіи освобожденіе крестьянъ не сопровождалось ни созданіемъ свободныхъ учрежденій, ни развитіемъ свободы личности, ни созданіемъ тѣхъ условій, которыя необходимы для трудной задачи культурнаго подъема крестьянства и общаго развитія производительныхъ силъ. Въ связи съ этимъ Россія пришла къ переживаемому кризису. Зато мы въ данный моментъ достигли такой побѣды демократіи, подобная которой имѣла мѣсто развѣ только во Франціи. Я думаю, что ближайшая эпоха ознаменуется въ Россіи освобожденіемъ творческой иниціативы личности, и что, основываясь на европейскомъ опытѣ, показавшемъ и отрицательныя стороны индивидуализма, мы сумѣемъ создать ту систему мѣръ, которая приведетъ къ гармоніи свободу личной иниціативы съ защитой интересовъ народныхъ массъ отъ капиталистической эксплоатаціи.

Б. Бруцкусъ.